
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

DOI 10.22394/1682-2358-2017-2-110-116

A.A. Makovsky, post-graduate student of the History, Sociology of Politics, and Service Department, Saratov State Academy of Law (email: aamakovsky@mail.ru)

FUNCTIONAL CAPACITY OF STATE- CONFESSIONAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA

The article reveals the importance of church-state relations for both government institutions and society as a whole. Given the current political and religious differences and the secularity of the Russian state, the analysis of the religious potential use by authorities for the harmonization of social relations, national policies, and the construction of civil identity is drawn.

Key words and word-combinations: state-confessional relations, religious policy, secular state, religious associations.

A.A. Маковский, аспирант кафедры истории, социологии политики и сервиса Саратовской государственной юридической академии (email: aamakovsky@mail.ru)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Раскрывается значение государственно-конфессиональных взаимодействий как для властных институтов, так и для общества в целом. Учитывая существующие политико-религиозные противоречия, светскость Российского государства, проводится анализ использования религиозного потенциала властными структурами для гармонизации общественных отношений, национальной политики, построения гражданской идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: государственно-конфессиональные отношения, вероисповедная политика, светское государство, религиозные объединения.

Изменения в общественно-политической среде в начале 1990-х годов повлекли преобразования в модели государственно-конфессиональных отношений (далее — ГКО).

За период становления современной политической системы институциональные практики прошли путь развития от единичных проектов до системного партнерства в вопросах государственной поддержки религиозных организаций, социального служения Церкви, совместного противодействия деструктивным религиозным культам. При этом возникает ряд противоречивых на первый взгляд ситуаций, связанных с принципом светскости и включенностью религиозного фактора в политическое пространство, конфронтацией общегражданской и религиозной идентичностей, превалярованием государственных или религиозных норм и идей в гражданской системе ценностей. В связи с этим следует раскрыть сущностные черты современных государственно-конфессиональных отношений через их функциональный потенциал и значение в политической сфере, а также проанализировать причины налаживания партнерства государственных органов власти и управления с религиозными структурами в условиях светского политического режима.

Согласно ст. 14 Конституции РФ Россия — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Как указывается в ст. 28, каждому гарантируется свобода совести и право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [1].

Таким образом, современное государство конфессионально нейтрально, что подразумевает невозможность использования религиозного фактора в качестве официальной идеологии. Однако светский характер не означает, что государство не взаимодействует с религиозными организациями. Оно строит партнерские отношения, издает законы, обеспечивающие реализацию и защиту религиозных прав и свобод. По мнению И.В. Понкина, принцип светскости не является радикальным правовым механизмом вытеснения религии из всех сфер жизни граждан, отстранения религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишения их права давать оценку действиям властей. Этот принцип предполагает лишь разделение сфер компетенции конфессий и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга [2, с. 49].

Государственно-конфессиональные отношения представляют собой взаимодействие между властными и религиозными институтами, основанные на юридических нормах и общественно-политических традициях, которые развиваются в рамках определенного исторического опыта. А.В. Логинов в книге «Власть и вера» пишет, что государственно-вероисповедные отношения являются цивилизационно образующим компонентом для России [3]. Не случайно отечественные исследователи А.Г. Дугин, М.М. Мчедлова, О.Г. Леонова, М.В. Паутова, В.А. Кузнецов, В. Цыпин, Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко, раскрывая влияние конфессий на политические процессы, обращают особое внимание на религиозный компонент в цивилизационном ключе. Развитие российской цивилизации характеризуется особенностями построения отношений между государством и традиционными религиями, в частности признанием христианства, ислама, буддизма, иудаизма как неотъемлемой час-

ти исторического наследия народов России [4]. Взаимоотношения между государственной властью и религиозными объединениями составляют стержень общественно-культурной системы России. Традиционные конфессии существенно влияют на духовное развитие общества через формирование «духовных скреп», этноконфессиональную самоидентификацию народов России, особенно Поволжья, Приуралья и Кавказа [5, с. 31].

Так, одной из функций религии является консолидация общества на основе общих норм и устоев. В политической теории под идентичностью понимается осознание человеком собственного «Я», собственной самобытности, а также своей принадлежности к определенной социальной группе [6, с. 28]. Религиозная идентичность как форма религиозного и социально ориентированного самосознания человека проявляется одновременно и на индивидуальном, и на групповом уровне [7, с. 223]. Отождествление себя с религией включает как общее самоопределение человека (возможна минимальная религия — вера в Бога, лишенная признаков определенной конфессии [8, с. 13]), так и конкретную форму конфессиональной идентичности: православную, исламскую, католическую, протестантскую, этнорелигиозную, культурно-религиозную.

В.Ю. Зорин отмечает, что в России складывается парадоксальная ситуация: этноконфессиональная идентификация возобладала над общегражданской [9, с. 78], так как жители приграничных регионов, национальных субъектов РФ видят в ней более эффективный инструмент социальной адаптации. В связи с этим В.В. Лапкина, Л.А. Фадеева, В.И. Пантина, Г.И. Вайнштейн поднимают проблему идентичности граждан, связанную с рисками, которые несут в себе традиционные виды отождествления [10]. Религиозная идентичность представляет собой осознание принадлежности к общности «своих», отделенной от «чужих» конкретными религиозными принципами в рамках единого государства. Отсюда следует, что преобладание религиозных и этнических ценностей над общегражданскими пагубно влияет на механизм интеграции граждан в полирелигиозную и многонациональную социальную систему. Религиозная консолидация граждан может проявляться как в развитии культуры, так и в виде интолерантного поведения, что несет в себе потенциальную угрозу политическому режиму и безопасности России (сепаратизм, игнорирование государственных норм и ценностей).

В 2014 г. на заседании XVIII Всемирного русского народного собора, проходившего под эгидой РПЦ, была принята Декларация русской идентичности, определяемой так: русский — это человек, считающий себя русским, говорящий и думающий на русском языке, признающий православное христианство основой национальной духовной культуры, ощущающий солидарность с судьбой русского народа [11]. Данная формулировка ставит знак равенства между национальной принадлежностью и вероисповеданием, отделяя от «Русского мира» все неправославные народы.

Другие ведущие религиозные организации страны: Федерация еврейских общин России, Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций в России, Координационный центр мусульман Северного Кавказа — не принимали документы, связанные с определением этнической

или религиозной идентичности. Однако религиозные лидеры традиционных конфессий неоднократно поднимали вопросы, связанные с местом народов, проживающих на территории России в «Русском мире», с необходимостью воспитания патриотизма в условиях преобладания религиозной идентичности над гражданской, соотношением религиозных и государственных норм.

Если религии в чистом виде формируют традиционную идентичность, сохраняя культурную, духовную самобытность, то при взаимодействии с государственными органами их потенциал через общественно-политические практики может быть направлен на развитие гражданской идентичности, то есть индивидуального чувства принадлежности к общности граждан конкретного государства. И.С. Семенов отмечает, что данное чувство основано на ассоциации себя с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющим индивиду соотносить себя с ними [12]. В многонациональном государстве гражданская идентичность не эквивалентна национальной [13, с. 38] и проявляется в отождествлении себя с государством, государственной идеей, общими ценностями и общей историей. В связи с этим современная деятельность государственных органов власти, нацеленная на поддержание социокультурного, этнического, религиозного многообразия, сопровождается стремлением укрепить этнокультурное единство нации, а также осуществить переход от преобладания этнической, конфессиональной идентичности к приоритету общегосударственной.

Взаимодействие властных и религиозных институтов составляет часть государственной политики по формированию общероссийской нации, и построение единого общества в рамках этнокультурного многообразия требует реализации всех политико-идеологических ресурсов. Для создания единой социальной общности необходимо формирование ощущения связанности граждан с государством через доверие к политическим институтам и развитие общественно-политических принципов и ценностей, которые разделяет население. В условиях многонациональности и полирелигиозности консолидирующим фактором могут выступать позитивная социальная память, общие исторические и духовные «скрепы». В связи с этим одна из функций государственно-конфессиональных отношений в субъектах РФ видится в укреплении гражданского единства.

Термин «духовные скрепы» впервые в российском информационном пространстве использовал В.В. Путин в обращении к Федеральному собранию РФ в 2012 г. Президент России отметил, что современное российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп — того, что во все времена делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились, то есть таких явлений, как милосердие, сострадание, сочувствие. В связи с этим глава государства подчеркнул, что следует всецело поддержать институты — носители традиционных ценностей [14]. Реализация функционального потенциала духовных институтов, в том числе религиозных, возможна за счет совместной работы с органами государственной власти по улучшению социального климата, исключению извращенных форм религиозной идентичности в виде религиозного экстремизма, порождающего межконфессиональные, межнациональные конфликты.

Существует множество механизмов гармонизации общественных отношений: от советской системы идентичности до американской модели «пла-

вильного котла». В последние десятилетия в условиях провала европейской политики мультикультурализма произошло изменение вектора российской вероисповедной политики от построения терпимого общества к конфессиональному диалогу и доверию. М.Б. Хомяков обращает внимание на социальную обтекаемость и узкую направленность религиозной толерантности, так как при терпимом отношении к чему-либо возможно полное отрицание другого: терпимый, уважающий чужую религию гражданин может враждебно относиться к иным нациям или этносам, социальным группам, спекулировать своей стратификацией, что не снижает общественную напряженность [15].

Как следствие, деятельность государства и конфессий в формировании гражданского единства должна быть направлена не на развитие терпимости в обществе, которая представляет собой «бомбу с часовым механизмом», а на укрепление социального доверия и этноконфессионального диалога. В своем историческом развитии диалог культур прошел несколько этапов: от стихийной веротерпимости (терпимого отношения к представителям всех верований) до социального доверия — моральной установки в социуме, выработка которой во многом обусловлена религиозным компонентом политической культуры. Ф.Г. Овсиенко отмечает, что в постсекулярном обществе у верующих гражданская позиция зависит от религиозно-политических воззрений, религиозных идеалов, традиций, религиозно окрашенных ценностей [16, с. 90]. Таким образом, высокий уровень доверия среди представителей разных культур может быть итогом только совместной работы властных и религиозных структур.

Государство предоставляет налоговые льготы, грантовую поддержку религиозным организациям ввиду их некоммерческого характера и сложности ведения хозяйственной деятельности. Активно проходит процесс религиозной реституции — возврата религиозным объединениям имущества религиозного назначения из государственной, муниципальной собственности, который имеет преимущественно духовно-нравственную мотивацию и характер компенсации за советское прошлое [17]. Изменение вектора развития ГКО в официальной позиции власти в 2012 г. [18] в сторону партнерских отношений связано с распространенностью религии в обществе, а также существующими социальными, культурными, этническими проблемами и возможностью совместного их решения [19, с. 55]. Государство использует потенциал гражданского общества, включая религиозный ресурс, при решении тех ситуаций, в которых силовая политика неэффективна или бессмысленна: в частности, при решении демографических проблем, укреплении авторитета семьи, снижении социальной, религиозной напряженности, предотвращении распространения радикальных религиозных направлений.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации 2009 г. и Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. взаимодействие правоохранительных структур и органов государственной власти с религиозными объединениями выделено в качестве необходимого механизма противодействия религиозно-экстремистским движениям. Крайняя форма религиозной идентичности — религиозный фундаментализм [20, с. 99] — часто становится основой проявления деструктивного религиозного фактора в публич-

ной среде при ослаблении традиционных ценностей. Религиозный экстремизм представляет собой квазирелигиозно-мотивированную или религиозно-камуфлированную деятельность, направленную на насильственное изменение государственного строя или захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти [21, с. 83].

Европейский исследователь К. Штёкль отмечает, что интерес к религии, в том числе к радикальным ее течениям, у общества возрастает тогда, когда теряется интерес к государственной идее [22]. Если государство не имеет идеологии и игнорирует религиозный фактор (то есть превалирует «примитивизм» принципа светскости), может произойти рост ксенофобии, этнической и религиозной нетерпимости. В постсекулярном обществе национальных субъектов РФ поиск наиболее эффективных способов влияния на принятие политических решений смещается от привычных форм участия (электоральная активность, политические партии) к политическому действию (политическим инициативам, религиозно-общественным организациям, религиозно-радикальным движениям), к различным формам непосредственной коммуникации с властью и даже методам прямого давления.

Безусловно, осуществление государством своих функций по обеспечению религиозной безопасности (как защита религиозных организаций от посягательств экстремистских групп любого толка, так и ограждение общества от радикальных и деструктивных религиозных проявлений [23, с. 125]) невозможно только силовым путем. Деятельность деструктивных культов как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами носит идеологический характер, основываясь на квазирелигиозных нормах и ценностях. Экстремистские группы формируют определенную идеологию, мироощущение, социальные установки против государства и общества в целом. В связи с этим государственно-конфессиональные отношения отчасти имеют идеологическое значение, так как они направлены на противодействие пагубным квазирелигиозным проявлениям за счет формирования религиозного компонента политической культуры и мировоззренческих установок в обществе.

Таким образом, сущность государственно-конфессиональных отношений заключается в конструктивном использовании религиозного фактора. ГКО способствуют укреплению гражданской идентичности и развитию этноконфессионального диалога. Взаимодействие политических и религиозных институтов необходимо в тех ситуациях, когда использование только силовой политики неэффективно или невозможно — в частности, при реформировании мировоззренческих установок граждан, гармонизации общества посредством противодействия радикальным религиозным группам, снижения религиозной конфликтности, социальной напряженности, формирования институционального доверия.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (в ред. от 21 марта 2014 г.) // Российская газета. 1993. № 237; 2014. № 12. Ст. 1201.
2. Понкин И.В. Светскость государства. М., 2004.

3. *Логинов А.В.* Власть и вера. Государственные и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; 2016. № 14. Ст. 1906.
5. *Горбачев М.В.* Проект Евразийского экономического союза в дискурсивном пространстве СМИ // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 5 (44). С. 31–36.
6. *Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева.* Казань, 2011.
7. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд, перераб. и доп. М., 2014.
8. *Этштейн М.* Религия после атеизма. М., 2013.
9. *Зорин В.Ю., Рудаков А.В.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации: проблемы раннего предупреждения и профилактики деструктивных явлений (на примере Приволжского федерального округа). Н. Новгород, 2008.
10. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г.) / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. М., 2011.
11. Декларация русской идентичности. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>
12. *Семенов И.С.* Гражданская идентичность как ресурс национального развития. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf
13. *Большаков А.Г., Зазнаев О.И.* Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26), ч 2. С. 38–41.
14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ [12.12.2012]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
15. *Хомяков М.Б.* Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 25–33.
16. *Овсиенко Ф.Г., Трофимчук Н.А.* Православие в контексте развития федеративных и этнополитических отношений в Российской Федерации // Религия и культура: реферативный сборник. М., 2000. С. 90–107.
17. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: Федер. закон от 30 нояб. 2010 г. № 327-ФЗ (в ред. от 23 июня 2014 г.) // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6423; 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3377.
18. Стенограмма встречи председателя Правительства РФ В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html>
19. *Слобожаникова В.С.* Официальная власть о религии и политике в современной России (2012–2014 гг.) // Четверть века политической науки в российской провинции: сборник научных трудов. Саратов, 2015. С. 55–60.
20. *Минченко Т.П.* К вопросу об определении религиозной идентичности в современном мире // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 99–101.
21. *Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А.* Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 4. С. 83–92.
22. *Stoeckl K.* Erlebnis, Tradition, Institution: Die drie Dimensionen der Rouckkehr der Religion // Politik, Religion und Markt: Die Rouckkehr der Religion als Anfrage an den politisch-philosophischen Diskurs der Moderne / Ed. W. Guggenberger, D. Regensburger. Innsbruck, 2009. P. 115–132. URL: <http://diglib.uibk.ac.at/ulbtiroloa/download/pdf/274988?originalFilename=true>
23. *Сулова Е.С.* Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004.